

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Понедельник, 12 апреля 1953 года

Кусачий восточный ветер развевал флаги на правительственных зданиях, вяло пародируя праздничные торжества. Стяги колыхались на ветру от Трафальгарской площади до Уайтхолла, струясь алой рекой меж тусклых берегов казенных кварталов, вульгарным мазком выделяясь на фоне приглушенной лондонской палитры: темных от вековой пыли викторианских фасадов, крапчатого камня здания Конной гвардии, красновато-коричневых домов тюдоровской эпохи, серых громад Холборна¹ и тесных средневековых площадей Темпла. Кричащий красный глушил мрачные тона древнего города, затмевая редкие оттенки охры и розового.

В приближении великого дня торжествам, казалось, не будет конца. Между платанами по берегам Темзы натянули праздничные полотнища, кованые перила набережных обвили лентами. Даже Палата общин пестрела вымпелами и знаменами, словно разряженная вдовствующая королева.

Любовно обрамленные портреты Вождя красовались в витринах, патриотические ленточки трепетали на капоте каждого кэба, летящего по Уайтхоллу.

---

¹ Улица в Лондоне. — *Здесь и далее прим. ред.*

К флагам в протекторате давно привыкли. После создания Англосаксонского Союза его символ — черная буква «А» на красном фоне — появился почти на всех зданиях. Поначалу флаги срывали, раздирали в клочья и втоптывали в грязь. Но вскоре неуважение к флагу и его порчу объявили преступлением, карающимся смертной казнью. Даже вышел приказ: вешать виновных на оскверненных флагштоках, однако эта зверская мера оказалась малоэффективной. Пережив первый шок, лондонцы почти перестали обращать внимание на болтающихся над головами висельников, как их предки не замечали отрубленные головы, насаженные на пики Лондонского моста.

Но это тогда.

За тринадцать лет многое может измениться.

Дождь собирался с самого утра. В этот серый холодный день прохожие плотнее запахивали пальто, кутались в шарфы и глядели под ноги, переступая через многочисленные выбоины на тротуарах. Ветрено в мае, в апреле дожди, в мае фиалок и ландышей жди — так, что ли, говорят в народе? Судя по тому, как льет последние несколько недель, апрель вполне соответствует традиционной английской весне. Что ж, думали некоторые, кто постарше, хоть погода сохраняет верность традициям.

Из окна возвышавшегося над Уайтхоллом здания, в квартале, где некогда размещалось Военное министерство, Роза Рэнсом смотрела вниз на крыши автобусов и снующих пешеходов. Роза, серьезного вида женщина двадцати девяти лет, застыла в раздумье с отсутствующим взглядом над заправленной в пишущую машинку страницей, словно

ожидая прихода вдохновения, хотя дело было совсем не в этом. Розе изрядно посчастливилось: переживания никогда не отражались на ее лице. Не отличаясь яркой красотой, оно всегда сохраняло безмятежное, несколько загадочное выражение. Безупречный овал в обрамлении светлых волос и серьезные голубые глаза, словно спокойные озера, в точности отражающие небо. От матери Розе досталась гладкая розовая кожа, делавшая ее моложе лет на десять, а от отца — непроницаемое хладнокровие, которое не могли поколебать никакие внутренние бури.

— Роза, иди скорее! Ты только глянь! Просто потрясающе!

Роза обернулась. В противоположном конце конторы царила суматоха, и жизнерадостная блондинка Хелена Бишоп, как всегда, находилась в центре событий. Отвлечь конторских служащих от работы — дело нехитрое, однако сегодня действительно произошло нечто исключительное. Двое техников внесли в помещение приземистый ящик из полированного дерева с пузырем полусферического экрана с одной стороны и двумя круглыми ручками настройки под ним. Техник подсоединил ящик к розетке и включил его: на экране замелькали полосы, вскоре сменившиеся ровным однотонным свечением. Служащие с возбужденными возгласами повскакивали со стульев и столпились вокруг, теснясь и толкаясь, стараясь оказаться поближе к маленькому экрану.

Как и большинство населения английских территорий, они еще ни разу не видели телевизор своими глазами, и каждому хотелось рассмотреть это чудо поближе.

Сначала по экрану бежала рябь, но в конце концов прибор прогрелся и появилась картинка, ползущая горизонтальными полосами снизу-вверх, пока кто-то не покрутил настройку и не остановил ее.

— Подумать только!

Вся контора затаила дыхание. Муть на экране сгустилась и преобразовалась в фигуру мужчины во фраке, с аристократическими манерами, присутствующими ведущим кинохроник фирмы «Пате», который зачитывал последние новости:

«Вдоль маршрута коронационной процессии в Лондоне уже начинают собираться первые толпы нетерпеливых горожан. Ранние пташки разбивают палатки, чтобы как следует рассмотреть королевскую чету по дороге из аббатства».

Подобные сцены разыгрывались сейчас по всей стране. Коронацию Эдуарда VIII и королевы Уоллис назначили на второе мая, и правительство объявило, что каждый гражданин сможет увидеть великое событие по телевизору. Повсюду установили тысячи телевизионных приемников: на заводах и в пабах, в школах, конторах и магазинах. Впервые за тринадцать лет всем — и детям, и взрослым — дали выходной, чтобы посмотреть коронацию королевской четы. До знаменательной даты оставалось еще больше двух недель, но возбуждение в обществе уже достигло лихорадочного накала.

— Ну же, Роззи!

Роза улыбнулась Хелене с приличествующим случаю энтузиазмом, но отрицательно покачала головой, мгновенно прикинув, что оставаться за рабочим столом гораздо безопаснее, чем толпиться вместе с коллегами. Склонившись над пишущей машинкой, она сделала вид, что работает над текстом.

Телевизор не вызывал у Розы никакого интереса. В отличие от остальных, она уже много раз видела это новомодное устройство вблизи благодаря тесному контакту с помощником комиссара по культуре Мартином Кройцем. Дружба с Мартином давала возможность не только регулярного просмотра телепередач, но и посещения театральных премьер, художественных выставок в лучших галереях, закрытых вечеринок в лучших ресторанах. Мартин Кройц, начальник Розы, на двадцать лет старше ее, будучи человеком культурным, неизменно проявлял щедрость, делясь с ней преимуществами своего положения. Знакомство с ним давало немало. А были ли минусы? О них она старалась не думать.

Через грязные зарешеченные окна ее взгляд скользнул на улицу. Сама Палата культуры представляла собой уродливое здание, покрытое неровным налетом пыли и сажи и окруженное железным забором с колючей проволокой по верху. А вот палладианские колонны Банкетинг-хауса, расположенного всего в нескольких метрах от министерства, еще хранили остатки былого достоинства. На этом самом месте, как знал любой школьник, триста лет назад обезглавили Карла I. Это знаменательное событие — убийство англичанами своего короля — вошло во все учебные программы, и здесь часто можно было видеть школьные экскурсии: беспокойные стайки детей, болтающих между собой и жадно вслушивающихся в рассказ о казни.

Участь некоторых более поздних потомков Карла I — короля Георга VI, королевы Элизабет, их двух дочерей и менее важных членов королевского

семейства — решила без всяких церемоний. Однако, как знала Роза, их биографии в школах не изучались. Большинство и понятия не имело, что с ними случилось, да особо и не интересовалось.

Теперь на уроках истории детям рассказывали о протекторе Розенберге, старейшем друге Вождя со времен собраний в пивных и уличных маршей на самой заре движения. Уполномоченный Вождя по духовному и идеологическому воспитанию, он возглавлял и направлял развитие партии, ее философию и идеалы. Мыслитель, олицетворяющий связь партии с прошлым и будущим. Будучи провидцем, Розенберг, когда Вождь назначил его протектором, решил реализовать свои идеи идеального устройства общества здесь, в Англии.

Наконец, более чем десять лет спустя, мечта Розенберга воплотилась в жизнь. Новое подрастающее поколение уже не знало ничего, кроме Союза, и говорило по-немецки так же свободно, как по-английски. Мартин при каждом удобном случае повторял, что Союз — логичный результат развития англосаксонских народов и в каком-то смысле конец истории. Абсолютно «особые отношения»: два народа, некогда составлявшие одну расу, вновь воссоединились. Точно и аккуратно, словно королю Карлу приставили обратно отрубленную голову.

Впрочем, далеко не все интересовались историей. Для большинства имело значение только то, что порядок восстановлен, а стало быть, что бы там люди на этот счет ни думали, жизнь идет своим чередом. На столе появляется еда, автобусы и трамваи ходят точно по расписанию, в Грин-парке расцветают конские каштаны и, как всегда, звучат весенние голоса птиц.

— Вижу, поступь прогресса тебя не впечатляет.

Сардоническое замечание исходило от Оливера Эллиса, сидевшего за соседним с Розой столом. Непокорные темные волосы, соответствующая задумчивая мина и вечное ехидство, столь едкое, что разьело бы и металл. Обычно Розу развлекали остроты Оливера, большей частью направленные на бестолковых коллег или откровенно идиотские распоряжения, исходившие от администрации комиссара по культуре. Но, видимо, иногда и ей нужно побыть мишенью для шуток. Так уж устроен Оливер.

Он встал, поправил очки в роговой оправе и нахмурился:

— Разве ты не собираешься посмотреть на наше чудо?

— Я уже видела телевизор, — холодно ответила она, поправляя лист бумаги в каретке.

— Ну конечно же. Как я мог забыть! Друзья в высших сферах... — Он проследил за ее взглядом, устремленным в окно, где под усиливавшимся дождем пешеходы поднимали к небу зонтики, точно пытаясь защититься от чего-то гораздо более яростного, чем английская весна. — Упаси боже от дождя в великий день!

— Следовало бы принять закон, запрещающий это.

— Возможно, уже и есть такой. — Оливер снял со спинки стула пиджак и надел его. — Регламент Союза за номером восемь тысяч шестьсот пятьдесят один: запрет атмосферных осадков в дни коронации.

Роза улыбнулась:

— Специальные стандарты солнечного света СС.

— Ограничения осадков относительно особых особ.

Она не смогла удержаться от смеха. Оливер за словом в карман не лез. Впрочем, как и все остальные сотрудники.

Именно поэтому они здесь и находились.

Перед войной Оливер учился в Кембридже, и, когда начались боевые действия, его отправили на конторскую работу как освобожденного от строевой службы. В результате на фронт он не попал и остался в живых, чтобы служить новому режиму. Таких, как Оливер, осталось мало. Большую часть мужчин в возрасте от семнадцати до тридцати пяти лет, не погибших в годы сопротивления Союзу, отправили на работу за границу, что создало в Англии заметный дисбаланс полов. Теперь в стране на каждого мужчину приходилось две женщины.

Возможно, именно поэтому, как сказал Вождь, женщины — самые важные граждане нашей страны. Чтобы никто об этом не забывал, фразу высекли на пьедестале огромной бронзовой статуи, установленной у северного окончания Вестминстерского моста.

Это было впечатляющее сооружение. Где некогда стояла колесница Боудикки, теперь высилась фигура племянницы Вождя — Гели, с мощными бедрами, задрапированными складками классической тоги, и с лавровым венком на голове, устремившей задумчивый взгляд на мутные воды Темзы. Как Мадлен в свое время во Франции, в Англии образом идеальной женщины стала Гели. Гели — юная, умная, талантливая и прекрасная — символизировала все лучшие стороны женщины, саму суть женственности. В сущности, она олицетворяла дух Англии.

Увы, сама она здесь никогда не бывала.

— Роза, смотри же, ты все пропустишь!

Хелена заразила всех своим энтузиазмом. Вокруг нее толпилось все больше работников Палаты культуры, высыпавших из кабинетов и загородок: ее подружки из отдела кино, девушки из астрологического отдела, молодые мужчины из рекламного в подтяжках и красных галстуках, сотрудники отдела печати, люди из отдела широковещания и даже несколько человек из отдела театра и искусств, выбравшиеся из своих дальних кабинетов на нижних этажах.

Роза уже собиралась сдать и присоединиться к остальным, когда заметила, что к ее столу с важным деловым видом движется *лени*: грузная приземистая фигура с собранными в пучок седыми волосами и неудачно зашитой заячьей губой. Несмотря на полное отсутствие косметики — она не посмела бы, — на ее щеках горел румянец, а утонувшие в мясистых складках глаза блестели. В своих толстых шерстяных чулках и невзрачном сером костюме из жесткого ноского твида, который предпочитали женщины ее класса, она походила на краба, бочком приближающегося к своей жертве, а вытянутая вперед, будто клешня, канцелярская папка еще больше увеличивала сходство. Как правило, *лени*, ничуть не смущаясь незначительностью своих обязанностей, считали себя важнейшими винтиками в любой организации, на чьих плечах держится вся страна. Вполне возможно, так оно и было. В новой администрации хватало неблагодарной работы, и, чтобы ее выполнять, требовалась целая армия женщин.

Эта *лени*, Шейла, сидела за столом перед входом в кабинет комиссара и была в курсе всего

происходящего в министерстве. При виде Розы она ухмыльнулась, уверенная, что несет весть, от которой у любого пойдет мороз по коже.

Роза собралась с силами и изобразила вежливый интерес, не поведя и бровью.

— О, мисс Рэнсом! Вам важная служебная записка. — Шейла вытащила из-под скрепки лист бумаги и положила на стол перед Розой. — Вас вызывает комиссар. Сейчас его нет на месте, он вернется в пятницу. Приходите к началу приема. — Она наклонилась к столу, обдав Розу запахами нестиранной одежды и дешевых духов. — Один совет: будьте точны. Рекомендую прийти на десять минут раньше. Комиссар не терпит непунктуальных людей, опоздания очень портят ему настроение. А злить его — врагу не пожелаешь.